

Жакаева Лейла Султановна*,
*заместитель заведующего отделом
Аппарата Верховного Суда
Республики Казахстан,
доктор юридических наук
(г. Астана)*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРИЗНАКОВ

В теоретическом плане важно обозначить признаки юридического процесса позволяющие говорить о нем как об общеправовом явлении, присущем для любых отраслевых форм процессуальной (правопримениельной) деятельности.

Данная форма деятельности всегда связана с разбирательством юридического дела, поэтому одним из признаков юридического процесса является наличие юридического дела. По мнению сторонников общеправовой теории юридического процесса - это главное, определяющее свойство юридического процесса как правовой формы¹.

Принято считать, что для охранительной сферы государственной деятельности данный признак является наиболее существенным, причем в качестве юридического дела обычно выступает либо спор о праве, либо факт совершения правонарушения.

Для регулятивной сферы государственной деятельности, в которой «организаторами» процесса выступают «неюрисдикционные» субъекты, этот признак, на наш взгляд, также имеет преобладающее значение. Юридическим делом здесь является отдельная конкретная ситуация, требующая своего рассмотрения и разрешения в установленных правовых формах.

---

* © Жакаева Л.С., 2014

Юридическое дело практически трактуется в двух значениях. С одной стороны, это совокупность процессуальных документов, сопутствующих правоприменительной деятельности или отражающих ее этапы, но, с другой стороны, юридическое дело - это по существу сам правовой случай.

В подтверждение указанной позиции отметим, что С.С. Алексеев, некогда отрицательно относившийся к попытке отождествления юридического процесса и более емкого, на его взгляд, правоприменительного процесса, в одном из своих трудов указывает, что «конкретный жизненный случай, в отношении которого осуществляется применение закона, именуется юридическим делом»².

В правотворчестве юридическим делом является правовая ситуация, обусловленная потребностями правового регулирования общественных отношений, выраженная в необходимости создания новых правовых норм, изменении или отмене уже действующих. Такая правовая ситуация требует своего рассмотрения посредством установления фактических обстоятельств юридического дела (ситуации) на предмет достаточности оснований осуществления юридического процесса, исследования нормативной основы и разрешения с использованием предусмотренных законодательством процедур правоприменения.

В позитивном юридическом процессе, каковым в целом является правоприменительный процесс в конституционно-правовой сфере, предметом юридического дела могут выступать не только обстоятельства положительного свойства, но и спор о праве либо правонарушение. Отметим в этой связи, что в конституционно-правовой практике не исключаются как конфликтные ситуации на почве оспаривания полномочий субъектов правоотношений, разрешаемых на уровне реализации «неюрисдикционной» компетенции уполномоченных государственных органов и должностных лиц, так и совершение правонарушений, требующих привлечения к специфическим формам отраслевой ответственности и государственного принуждения.

Нетрадиционный характер с позиции основных характери-

стик классической юридической ответственности имеет ответственность субъектов конституционных правоотношений, требующая выполнения особых процедур правоприменения: отрешение от должности президента, роспуск парламента, выражение вотума недоверия правительству, признание выборов недействительными и т.д., где юридическим делом предстает правовая ситуация, обусловленная конституционным правонарушением.

Как вторжение в сферу традиционного юрисдикционного процесса можно считать создание и успешное функционирование конституционных судов и квазисудебных органов. Предметом рассматриваемых ими юридических дел помимо позитивных правовых ситуаций прямо или косвенно являются споры о праве или компетенции, а в отдельных случаях конституционные правонарушения.

В настоящее время основания настаивать на размежевании процессуальной деятельности по признаку юрисдикционности, а именно, выделении юридического процесса (в правоохранительных отраслях и сферах) и, если так можно сказать, неюридического процесса (во всех остальных областях правоприменения), отсутствуют.

В правовой науке и практике юрисдикционная деятельность, как правило, отождествляется исключительно с правоохранительной деятельностью, что на наш взгляд, недостаточно обосновано.

Следует обратить внимание на то, что активно используемое в современной литературе понятие юрисдикции выглядит существенно подкорректированным.

«Юрисдикция» от латинского *jurisdiction* – это право суда осуществлять свою власть в отношении дел определенной категории или такое же его право в отношении определенного дела³ или, иначе говоря, подсудность. Толкование термина «юрисдикция» как судопроизводство, подсудность или право производить суд, решать правовые вопросы содержится и в словарях иностранных слов⁴.

Отсюда следует, что юрисдикционная сфера должна быть

ограничена рамками судебной деятельности. Однако в современных научных исследованиях укоренилось отличное от исконно классического смысла понимание «юрисдикционного», поскольку, к юрисдикционным органам принято относить не только суды, но и другие правоохранительные органы.

Деление правового процесса на сферы юрисдикционного и неюрисдикционного достаточно условно и потому, что правоприменение имеет однородную логическую схему осуществления. Как следствие, юридический процесс безотносительно сфер осуществления можно определить как деятельность по разрешению юридических дел (правовых ситуаций), результаты которого отражаются в процессуальных актах правоприменительного свойства.

Правоприменение в правоохранительной сфере требует всегда достаточно глубокой и детальной правовой регламентации, поскольку ее последствия более существенны и, кроме того, они оказывают прямое влияние на правовое положение и состояние физических лиц. Этим обстоятельством можно объяснить позицию противников теории общеправового юридического процесса, обосновывающих специфичность целей процессуальной деятельности правоохранительных органов, позволяющую им все иные области правоприменения вывести за рамки юридического процесса.

Такая позиция, к примеру, выражена Е.Г. Лукьяновой, которая считает, что процессуальная деятельность характерна только для органов, призванных осуществлять охранительные функции – суда, прокуратуры, милиции, государственных инспекций и др.⁵.

Считается, что одним из отличительных признаков юридического процесса является его многосубъектность.

Многосубъектность характерна для правоприменительной (процессуальной) деятельности в любой, в том числе конституционно-правовой, сфере. Показательными в этом отношении являются избирательный и референдумные процессы в конституционном праве.

Важно отметить, что многосубъектность является в ряде слу-

чаев факультативным признаком процессуальной деятельности. Правоприменительная практика, на которую ссылаются приверженцы идеи исключительности юридического процесса в правоохранительной сфере, не всегда представляет собой многосложное и многосубъектное правоприменение.

Практика изобилует примерами правоприменения в правоохранительной сфере с минимальным количеством субъектов. Так, немногочисленный состав участников процесса характерен для случаев вынесения должностным лицом органа предварительного следствия (дознания) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела вследствие отсутствия события преступления или состава преступления. В результате чего иные, после возбуждения уголовного дела, процессуальные действия по расследованию преступления, а также сложная процедура судебного рассмотрения юридического дела оказываются невостребованными. Отметим также, что данный пример свидетельствует одновременно о возможности возникновения процессуальных отношений вне соответствующего материально-правового отношения.

Относительно упрощенная процедура при минимальном количестве участников процесса характерна и для особого производства в гражданском процессе. По этой причине нередко охранительная природа особого производства ставится под сомнение.

Один из сторонников ограничительного понимания юридического процесса В.Н. Протасов, пишет, что «в процесс входит только часть процедурно-урегулированного правоприменения, а именно то, которое обладает исключительным (юрисдикционным) характером, относится к содержанию охранительного правоотношения, не являясь обязательным моментом в нормальной реализации регулятивных норм». В тоже время, ссылаясь на особое производство, автор полагает, что в отдельных случаях компетентный орган может «вклиниваться» через охранительное правоотношение в регулятивный механизм не только на уровне правоотношения, но и на уровне юридического факта⁶.

По мнению Горшенева В.М., наличием особого производ-

ства значительно расширяется общее назначение гражданского процесса, которое не ограничивается юрисдикционной функцией⁷.

На наш взгляд, сложно отрицать применение регулятивных норм в особом производстве в условиях очевидности реализации права вне охранительного правоотношения.

Попытки точного отграничения правоохранительной от регулятивной сферы деятельности, чтобы обозначить ее исключительность по отношению к иным процессам правоприменения, сомнительны и по той причине, что правоохранительной природой обладают в целом все отрасли законодательства. Иначе говоря, защита и охрана прав, законных интересов органов (организаций), физических лиц как цель в равной степени присутствует в любой процессуальной (правоприменительной) деятельности.

В числе признаков юридического процесса сторонники его «узкого» понимания указывают наличие доказывания⁸.

Доказывание имеет особое значение для правоотношений ответственности, где назначению (применению) санкций предшествует процесс установления определенных фактов и обстоятельств по юридическому делу.

Доказывание также является составной частью процесса применения мер конституционно-правовой ответственности, фрагментарно оно может проявляться и в иных конституционно-правовых отношениях как средство обоснования принимаемых процессуальных решений. Так, в законотворчестве на стадии реализации права законодательной инициативы обоснование регулирования (определенным образом или определенных общественных отношений) требует не менее сложной процедуры доказывания. Нередко она обусловлена дополнительными процессуальными действиями, в частности, согласно конституционно-правовому законодательству законопроект, предусматривающий сокращение государственных доходов или увеличение государственных расходов, инициируется лишь при наличии положительного заключения Правительства⁹.

Доказывание является составной частью правоприменительной деятельности по установлению фактических обстоятель-

ств юридического дела и любой правовой ситуации. Тем не менее доказывание в различных сферах правоприменения различается по содержанию и целеполаганию. Скажем, в уголовном процессе доказывание заключается в собирании доказательств, их проверке, оценке, закреплении для получения обоснованных выводов по уголовному делу.

Доказывание в конституционно-правовой сфере выступает в качестве комплекса действий вспомогательного значения по установлению фактов, как средство обоснования процессуального решения и цели процессуальной деятельности здесь несколько иные - осуществить рассмотрение и разрешение правовой ситуации с наилучшим результатом в смысле своевременности, оптимальности и эффективности.

Одним из признаков юридического процесса является стадийность. Стадийность проявляется в том, что процессуальные действия субъектами права осуществляются логически и функционально последовательно в рамках предметно обусловленной цели правоприменения. С этой точки зрения стадийность - неотъемлемый признак конституционного процесса, как процесса правоприменения в конституционно-правовых сферах общественных отношений.

В этимологическом плане «стадия» (от греческого *stadion*) - это период, ступень в развитии чего-нибудь, слова «этап» (от французского *etape*) и «стадия» - синонимы¹⁰. Поэтому вполне оправдано определять процессуальные стадии как цепь логически взаимосвязанных моментов или этапов процессуальной деятельности безотносительно конкретных сфер правоприменения.

Процессуальная стадия является логико-временной характеристикой юридического процесса, иначе говоря, стадийность выражает динамику правоприменения и одновременно ее внутреннюю логику.

Стадии правоприменения, как справедливо отмечает С.С. Алексеев, представляют собой “логически взаимосвязанные и последовательно развивающиеся ступени правоприменительной деятельности или относительно обособленные группы юридических

действий (операций), выражающие последовательное развертывание содержания самой правовой формы деятельности”¹¹.

Вопрос о количестве и наименовании стадий правоприменительной деятельности остается в теории права дискуссионным.

Одни ученые пишут о стадиях правоприменения¹², который завершается принятием акта правоприменения. Другие полагают, что заключительной стадией правоприменения является исполнение акта правоприменения¹³ либо контроль за его исполнением.¹⁴

Применение права представляет собой многоступенчатый, длящийся во времени и развивающийся в соответствии с законодательством процесс организационно-властной реализации права, его завершающим моментом является принятие решения.

Правовой основой для принятия правоприменительного (процессуального) акта выступают конкретные правовые нормы и в этом смысле правотворчество, в том числе, законотворчество, первично по отношению к правоприменению. Тем не менее правотворчество, в свою очередь, представляет собой разновидность сложной процессуальной деятельности (правоприменения), которая имеет собственные временные, логико-структурные и содержательные характеристики.

В целом необходимо сказать, что исследование конституционного процесса как процесса правоприменения требует дальнейших исследований на основе анализа устоявшихся позиций общетеоретической правовой науки и современной отраслевой практики.

---

¹ См.: Теория юридического процесса. Под ред. В. М. Горшенева. - Харьков, 1985. - С. 52-53.

² Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. - М.: Статут, 1999. - С. 116.

³ См.: Латинская юридическая фразеология / Сост. проф. Б.С. Никифоров. - М.: Юрид.лит., 1979. - С. 136.

⁴ См.: Словарь иностранных слов. 16-е изд. - М.: Рус. яз., 1988. - С. 610.

⁵ См.: Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. - М., 2003. - С. 79.

⁶ См.: Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. - М.: Юрид.лит., 1991. - С. 56-57.

⁷ См.: Горшенев В.М. Процессуальная форма и ее назначение в совет-

ском праве // Сов. государство и право. - 1973. - № 12. - С. 32.

⁸ См.: Лукьянова Е.Г. Указ. соч. - С. 79.

⁹ См.: Пункт 4 ст. 15 Конституционного закона РК от 16.10.1995 «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов».

¹⁰ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Рус.яз., 1990. - С. 760, 910; Словарь иностранных слов. - М.: Рус.яз., 1988. - С. 481, 607.

¹¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т.2. М.: Юрид. лит., 1982. - С. 329.

¹² См.: Александров Н.Г. Применение норм социалистического права. М.: Госюриздат, 1958. - С. 9; Пиголкин А.С. Применение права // Теория государства и права / Под ред. А.И. Денисова. М.: Юрид.лит., 1972. - С. 433-434.

¹³ См.: Хангалов Н.П. О применении советских правовых норм // Сов. государство и право. - 1955. - № 1. - С. 98.

¹⁴ См.: Михалык Я.С. Применение социалистического права в период развернутого строительства коммунизма. - М., 1963. - С. 24; Ткаченко Ю.Г. Применение права // Теория государства и права / Под ред. А.М. Васильева. - М.: Юрид.лит, 1983. - С. 341.